Автор: Субъектив
10.05.2013 03:21

Врать не буду – не по сердцу мне эта «двойственность». Сравнивать попарно (сталкивать лбами) разных поэтов? Разве они хороши – в сравнении? – В непохожести хороши. Да и идти по собственной «козьей тропке» к финишу всяко приятнее… Впрочем, правила игры заданы – нечего и воздух сотрясать...

Лишний раз хочу напомнить про «ИМХОсть» суждений и – тем более! – оценок. Багаж багажом, а всё-таки – стихи читаю: прекрасное, как известно, прежде всего пробирает на физиологическом уровне – мурашками по хребту да слезой. Я – читатель: иная трогательная «помарка» может вдруг оказаться дороже целого лит.памятника…

И ещё! Ничего личного. Между лирическим героем и автором – пропасть. Любые «оценочные» характеристики адресованы – герою (кроме, пожалуй, возраста… но это же не оценочная характеристика!).

Сергей Ширчков, «Город рифмует сам» // **Михаэль Шерб, «Техника наплыва»**

Логика // Эмоция.

Видеоряд // Настроение.

Жизнь // Иллюзия…

Почти неожиданно для себя, нашла «отправную точку» для сравнения: и то и другое – истории. Но рассказываемые – по-разному.

С.Ш. повествует (да так, что вспоминается модный ныне термин «нарратив»: линейное изложение, привнесённый автором смысл, выраженный финал/вывод).

«Ну и кино! Чуть не угробил, сука,
а не могу назвать его чужим».

Здесь я – лицом к лицу с рассказом. Точнее – с тремя рассказами. Не нужно отгадывать, искать смысловые нюансы или блуждать по «чувственным» лабиринтам. Остаётся лишь принимать или не принимать авторское видение, соглашаться – или нет – с данными выводами (именно так: автор не предлагает делать выводы – мне, он сам расставляет точки над «ё»).

М.Ш. – живописует: широкими мазками, за контурами события.

«Твой запах, свежескошенная, мёд
Движений, – полотняная, живая…»

Что там было? – О, могу себе представить… Прочувствовать по символически (танцуем от слова «образ») переданному настроению. Это всё равно что смотреть на тень птицы, сидящей на заборе, и гадать – дрозд, скворец?.. Да какая разница? – Птичка давно улетела, а песенка – осталась. *«Внутри виолончельная струна / Звучит мощнее, чем могла б снаружи»* . Мне не предложили ни сюжета, ни вывода – только волны. Техника наплыва (одной? – хочу, чтобы одной – так романтичнее) истории любви. А вывод, собственный, – я скучаю по тебе… До слёз:

«… Почувствовать, как из-под кожухов
Закрытых век, по радужной подстилке,
Сбегает стайка бронзовых жуков
И расправляет влажные подкрылки...»

«Дохлые устрицы» и «плевки светотени», от которых слегка коробило в апреле, – к маю удивительно прижились, настояли на своей метафорической самости и прочной «тутошности». Бывает! Со мною – нередко: я легко приручаюсь, если уж не убежала сразу. А переминающуюся с корня на корень траву и насквозь прошитый стежками окон полый поезд я – с первого взгляда… Впрочем, тут уже – не столько сказка о стихах, сколько эмоциональная присказка о том, как О.В. читала М.Ш. J

А вот о Сергее Ширчкове я на предварительном этапе высказаться не успела – рада, что могу теперь: тут, безусловно, есть повод для разговора.

«Прощаемся мы сдержанно и сухо
и чем-то напоследок дорожим…»

Пожалуй, похоже (я имею в виду собственное «эмоциональное» восприятие). Почему сдержанно и сухо – понятно: почерк такой. А почему напоследок… Наверное, потому что вклиниться со своим вИдением некуда: всё сказано и быть по сему. Это не плохо и не

хорошо – это стиль повествования.

Для меня авторское «быть по сему» – безоговорочно работает в «Таксисте» и в «Пристани» (в «Пристани» даже безоговорочнее – в силу большей «приподнятости» над реальностью, что мне литературно ближе). А вот на «Фарфорового поросёнка» хочется идти с криком «Не верю!» – с Юнгом наперевес… Да нет, верю, конечно, почему бы и не… Просто мне банк не нравится! Памятуя о выраженной ориентированности на вывод и итог каждого из представленных стихотворений, я не считаю банк случайностью: он был *задуман* специально, изначально – как насильственное преодоление, продолжение разбитой копилки, новая сторона медали, которая *не спасает*. Может, потому и не нравится, что преодоление – насильственное и задуманное? Лично для меня стихотворение закончилось на спрятанных под кроватью осколках. Это «промежуточное горе» получилось таким пронзительным, что даже знать не хочется, как героиня выкарабкалась из психологической ловушки (тем более что она из неё никак и не выкарабкалась). Банк оказался тяжеловесной крышкой, прихлопнувшей всю волну сочувствия и сопричастности. Спору нет, это более чем субъективно. Но я и не бралась «сказать за всю Одессу» – только личное прочтение.

К счастью, задачу увенчать лаврами одного из «двойки» передо мной никто не ставил… вот и не буду! Пусть судьи мучаются.

Александра Малыгина, Стихи // **Вероника Ерофеевская, «Монологи и диалоги»**

Ветер в волосах // Шишка во рту.

Очередное стихотворение… Муж, не вредитель и не собаке пятая нога // Невидимый дятел, мох в мешке, кошка… Мама в девчачьем пальто.

В беломясых книгах *(«настанет свой черёд» © МЦ)* // *«А как это “вырастают”?»* – Не стихи – человеки

.

А.М. «*Будто стихи не жизнь, / а развлечение...»; «… очередное стихосотворение, / кромсая душу, произносишь вслух…»; «Кормлю стихи с ладони, боюсь спугнуть. / Ловить их не по мне – не по плечу ноша: / Над бумагою спину до смерти гнуть...»*

Признаюсь честно и сразу: стихи «про стихи» (муки творчества и вдохновение, муз и пегасов, и далее по списку…) – не люблю. Знаю-знаю: автор совершенно не об этом, и вообще... Так и есть! Но все перечисленные «маркеры» – чёрные камушки на моих читательских весах. Если стихи – суть дыхание, к чему акцентировать и поименовывать каждый вздох?

Тем не менее, **Александра Малыгина** совершила «чудо», приподняв мое читательское внимание от нелюбимых «маркеров» – и приковав его к детству, которое остыло «тарелкой манной каши», но – было. К мужу-не вредителю, с которым «два сапога» и к которому не применимо слово «бывший»:

«Когда за жизнь наворотил всего –
Купайся, не купайся на Крещенье.
Но если у кого просить прощенья,
То у него».

«Простые вещи / сложнее в сто крат нынче…» – И я так думала когда-то. Теперь, правда, иначе – проще, ещё проще, чем тогда, над тарелкой манной каши (но до этой думки тоже надо «дорасти»).

«В каждой игре свои (пусть дурацкие) правила, / Тысячи “если” стоят между нами…»
Предложенные правила игры я принимаю с удовольствием, невзирая на «если»! Эта подборка не лживый глобус, и пусть даже не цунами, но – высокий прилив.

Подборка **Вероники Ерофеевской** прежде всего бросилась в глаза – деталями: от дома – в семи километрах; ноги – сырые по самые икры; машина – «Додж»; мешок – на

треть наполнен (на *целую треть*! – ну не оптимистично ли?)… И весь этот оптимизм – на волосок от плача. Но в голосе нет слезы, и облака всегда на что-нибудь похожи. А если и бывает плохое – то не сегодня.

«Монологи и диалоги» – более «лёгкая» (можно было бы сказать «легковесная», но это определение будет, я думаю, всё же избыточным) подборка… и, наверное, поэтому – менее «победительная».

Егор Сергеев, «Над предместьем, как над Парижем» // **Геннадий Акимов, «Вавилонская дорога»**

Семнадцатилетние соцветия на крышах, летящие над предместьем, как над Парижем // Мосты, горящие от Невы до Стикса.

Влюблённость в мечту о великой дружбе (или любви, или просто – о море) // Час исчислен, в сердце – спица, на полу – больничный халат.

Страшно грустно, будто хочется обнять… // Лишь пепел в волосах.

Эти подборки – как отрезки одной радуги: на одном конце все ещё боязно и слегка, и дело чести – выстрелить мимо, на другом – растерянные по дороге амулеты, выступающая из мрака Кора: прах возвращается в прах. Сравнивать их, я думаю, странно – просто в силу объективных причин.

Подборка **Геннадия Акимова** «забирает» целиком, держит от первой до последней строчки. Повторюсь (из предварительного обзора): нет возврата из стихотворения. Вроде бы и кубики строительные просты, и повествование идёт «вприсядочку», в забрызганных грязью штанах, а итог: спица в сердце. И вот смотрю я ненасытными

пиявками глаз вслед настоящему бегству – и думаю: не смешно, не смешно.

«отец, отломи мне горбушку, и с неба просыплется соль...
не снилась библейским кликушам такая гремучая боль».

Это ведь даже не «про меня»! Почему так… продирает, и ещё хочется?

А вот так – великая сила искусства (тут уже мне чёрный камушек за литературщину!).

Подборка **Егора Сергеева** – что понятно – пока «не раздана и не расплавлена жизнью». И слава Богу! Кресты и гвозди – всегда найдутся. Да и на этом «конце» радуги от крестов и гвоздей, пожалуй, ещё больнее.

Стихотворение «Грустно» –

«Когда стоишь у метро на улице,
вдыхаешь с холодом рваный запах
чужих инфекций и сигарет,

тогда становится страшно грустно,
как будто хочешь обнять
папу,

а его нет». –

одно из запомнившихся в конкурсе. За вычетом «инфекций» – было бы почти идеальным.

Ася Анистратенко, «То ли мы» // **Валерий Архипов, «Банальные стихи»**

Здесь вынуждена ломать придуманную схему «запараллеливания» – настолько несопоставимы для меня «головная» поэзия Аси Анистратенко и «безбашенная» – Валерия Архипова: даже строчки рядом не выстраиваются. Наверное, эту пару специально так составили, чтобы в мой огород дуплетом шарахнуть: два хороших поэта, и оба – «не моё».

Стихи **Аси Анистратенко** – почти идолы острова Пасхи, но высеченные умным скальпелем из ледяных глыб, со множеством мелких (и крупных тоже) штрихов и деталей. Вызывают огромное уважение (даже почтение) – и интерес, а вот эмоционально – не откликаются (что не мешает следовать постулату:
«нас любить это видеть что мы видим что-то другое» –
складывая крестиком пальцы – только! – на слове «любить»). Я слышу – честно-честно! – ритмы и горизонта, и жизни – созданные чем угодно и всем подряд, а ещё чётче я эти ритмы – вижу («картинка» опережает «музыку»). Не попадаю просто.
«хоть убейся хоть обумрись…»
Да и незачем! В искусстве всегда есть место вкусовщине. Как по мне – она-то и правит бал.

Подборка **Валерия Архипова** в плане эмоционального отклика – гораздо теплее, но куда менее любопытна. И даже неловко как-то: вроде прошла через… – и не заплатила.
«А в горле и боль, / и кусочки не сеяной ржи...» –
хорошо же! Не банально. Но – «не до слезы».

В этой паре голосую за Асю Анистратенко.

Александр Спарбер, «Другая жизнь» // **Александр Габриэль, «Ностальгири»**

… а те, что были, сгинули куда-то… // … и ты превратишься в прошедшее время…

– Но сперва, но сперва – вы помрёте, помрёте, помрёте вы… // Как же странно: осталась от времени мелкая крошка…

… И ребенок спросил: что такое трава? // Буки-веди начинаются с азов…

Есть что-то общее, не правда ли?

Когда-то в рамках программы «Вечерние стихи» я приклеила **Александру Спарберу** ярлык «библиотекарь»: читаешь стихи – и всей кожей чувствуешь неизмеримый пласт «мировой литературы», за ними стоящий. И думаешь: мало и плохо всё-таки я знаю «классику»! Даже в «Уитмене» при беглом первом прочтении заподозрила попытку рифмованного перевода «Листьев травы» (повод перечитать… обоих). Теперь вот осторожничаю – ищу прямые или искаженные цитаты. «Их есть у него», но от этого Спарбер не перестаёт быть Спарбером: умным (не путать с «головным»!), «интеллигентским» поэтом. Повелителем «женщин цвета воды».

«Пьяное» же – совсем иная грань: образно-эмоциональный слепок, звукопись и символистическая воплощённость – физического состояния.

«Обними меня.
Заверни меня в кокон. Зачем всё так кружится…
Воздух полон воронами – так, что не видно ни зги…

Пожалуйста,
помоги мне укрыться от этого ужаса
Пожалуйста,
помоги».

Не стоит придираться к логике – кто «пивал», тот знает. Одно из любимых моих стихотворений (не в конкурсе – вообще).

А вот первое стихотворение **Александра Габриэля** утонуло в не к месту навязчивой ассоциации с «Последней осенью» Шевчука – и почти пропало само по себе.

«В зеркалах – потускневший мужчина неведомой масти…» «Как ни вглядывайся, больше не видны / прошлобудущего времени границы…» И пусть *«нет запрета начинаться в пятьдесят – / даже с выцветшей исписанной страницы»*
– всё равно грустная и дождливая получилась подборка.

«Я когда-то сказал, что тебя никогда не забуду,
сам не ведая толком, насколько я прав окажусь». – НостальГИРИ по всей жизни, попадание – в самое яблочко!

Тем не менее, в этой паре мой фаворит – Спарбер.

Дмитрий Краснов-Немарский, «Пустынные тени» // **Алия Хагверди, «Колыбельная для дракона»**

«Но все мы – пустынные тени, которые мелко легли / под ломкие стебли растений, на вечные веки земли…» // «Мы пройдем весь путь, волоча тонны нежности за собой, / Чтоб могла высоко звучать безупречная наша боль».

Надо же, спелись!

Новое имя – новая судьба, так говорят. Вряд ли **Краснов-Немарский** сможет занять в литературе большее место, чем уже занял Дмитрий Артис, но! В прежней рамочке, кажется, проступают новые черты.

«Камнями шугая дворовых собак,
и в церковь умею ходить, и в кабак,
и, даже камнями собак не шугая,
умею туда же ходить, дорогая…» – Это старый добрый лирический герой Артиса. Артист, улыбающийся – свысока, уничижающийся паче гордости, щёлкающий по носу (даже здесь умудрился, не нарушив букву закона, подавить числом)…

И вдруг – новые ноты:

«… Песок рассыпчатый, неловкий,
чуть намочить его из лейки.
На разноцветные скамейки
садятся божие коровки.

От песнопений карусели
до колокольного разлива.
И скорбь воистину красива,
чиста, как детское веселье».

_____

«А надо бы о чём-нибудь попроще:
об ангелах на маковке сосны…
Украсили рождественские сны
освоенную в бункере жилплощадь».

_____

«…но делать счастливой тебя не умею…» – не помню таких порывов в прежнем лирическом герое. То ли он повзрослел наконец, то ли избрал иное амплуа… Но если и теперь лукавит, то по системе Станиславского – от всей души.

Алия Хагверди – для меня новое имя. И достойный соперник К.-Н.!

Седьмая принцесса, отложивши кобуру, поёт колыбельную своему сыну-дракончику – одна. Что поделаешь, принцессы почему-то частенько созревают раньше драконов. Настолько, что даже – не обвиняют. *«Вот и всё…»*

Ни одного лишнего слова! Очень короткая сказка – и одно из самых ярких стихотворений конкурса.

«В этой терпкой короткой сказке нету ни слова лжи.
От начала и до конца торжествуют любовь и жизнь…» – Верю! И хочу больше (и найду, и буду читать).

А пока же – просто разделяю свои симпатии поровну.

Анна Грувер, «Ничья» // **Игорь Лукшт, «Чарка на посох»**

Жили среди разбойников. Жалость теперь – зола.
Шили на вырост образы, жались под образа… // Ушли, поклонившись младенцу, волхвы…

Ахиллесова девочка-плеть, закрывшая глаза жалости // Светлый, как лунь, мир – отрешённый и суровый.

Только – не подавай виду, / что любишь ее… // Лёгкий шелест за спиною / ветра ль? / Вечности ль?

Игорь Лукшт – плавный широкослов вечно-живо-творящей природы, романтик в историческом, европейском понимании, манящий музыкой и радостью иного бытия:

Полощет дева на мостках
тряпицы розовых рубах.
Чуть в дымке, в зеркале реки
белеют рук тугие стебли –
живую гладь воды колеблют
и нежных лилий хохолки (…)

… А в голубых тенях ракит
на волнах церковка рябит,
мерцает синий куполок
людской заступницы Марии,
дробятся башенки лепные,
свод неба светел и глубок…

«Капли алые кагора поминального. / Так отважно прорастает сквозь асфальт трава…» – Вот она, бесконечность вечного возрождения.

И рОково-роковая **Анна Грувер** – романтик в понимании современном (иногда сам себе – лишний, но всегда – герой):

«Видишь сорняк под забором? Так же и я росла.
Пыль поднимала свора лохматых бродячих собак,

мне они лижут ладони, тебе – прогрызут до кости...»

«… Так я росла… и выросла. Некуда больше расти.
Мне остается падать, яме не вижу дна….»

«… Я боюсь черных птиц, отражений в воде. Я – ничей.
Его пальцы – сталь. Город стал мне мал,
он молчал и курил, когда я вырастал.
Он курил, а я клялся не вешать нос, не терять ключей.
"Отпусти" – прочти в тишине по губам. Господи, я устал».

«Забери меня, Тень, и пришей к ногам. Я хочу опять перестать расти…»

Шестнадцать лет – чёрным по белому. Современные романтики всегда молоды (певцы же эпохи романтизма – всегда без возраста). В этом смысле «Ничья» – прямо таки взрослое «романтическое вИдение».

Ничья – своя собственная.

Ничья – пятьдесят на пятьдесят.

Елена Фельдман, «Триптих земли» // **Михаил Юдовский, «Ты говорила мне, будто летала над Витебском»**

«… Тугим клубком свернулась с краю
И деревянный потолок
Во сне локтями подпираю…» //

«… Сбиться с пути в сновиденьях моих и твоих
Проще простого. Когда-нибудь горечь уляжется,
Время покатится дальше под горку. Но, кажется,
Больше не снятся нам общие сны на двоих».

«… И ты со мной – ликующий, живой,
И я с тобой – счастливая, живая». //

«… Смерть – это первая и последняя ночь.
Но нужно ли бабочке знать об этом?»

О **Михаиле Юдовском** я писала тут: большое про-го-варивание. Мазки достаточно пространны, чтобы утонуть, а ритмы достаточно убаюкивающи, чтобы этого не заметить: сгустить хочется. Но таков уж «фирменный стиль» поэта!

Сколько ни говори: брейгель-берйгель, шагал-шагал, – картина получается – Юдовского. Незнакомое небо. *«И неясно, под кровлю вернуться обратно ли / Или мимо пройти и шагнуть в поднебесье».* Выход в одиночество – сквозь осыпающиеся времена: вот первое-второе стихотворения подборки. Из западни родного дома, разделённой на сны и сны, – или *«из пустынного мира с жестокой свободою / В обитаемый мир, где никто не свободен»* . И так он (выход) про-го-ворен, что безысходность почти неизбежна – и все обречены (или вознесены – но одно приблизительно равно другому). Эмоциональная ловушка, образно-речевая вязь, незаметно обволакивающая читателя (точнее – меня незаметно обволакивающая… я же обещала утонуть? – ну вот и…).

«Бабочка…» в этом смысле – проще, общее. Без спросу сгущаю до собственного «хочется»:

Хочется всё полюбить на лету –
Для любви хватает и однодневья.

Сердечный труд и телесная лень
Свойственны бабочкам и поэтам.

Бабочка летит медленно – пуля летит быстрей,
Замерев на мгновение перед глазами… – и того – довольно.

И напротив – то ещё «смертно-сонное» местечко: *«Внизу – непроглядный мазут изначального моря; / Вверху – негатив облаков с полукружием солнца»* . Правда,

Елена Фельдман

«работает» с более прочными материалами: унылая парча, плита из мокрого гранита, деревянный потолок… серебро, кость, железо, камень. Звон и эхо.

«… Как холоден мокрый подол домотканого платья!
Тяжелый кувшин не удержишь больными руками.

Но снова прилив – и досадная слабость некстати.
Все льется по кругу живая,
бессмертная память».

Но третье стихотворение (правда, подставив звуковую подножку: *«Бессонный волхв с легчайшим в мире грузом…»*
– проговорите-ка!) – выпускает на свет божий:

Я возвращаюсь из небытия,
Из сладкого густого чернозема,
Обратно в лучший мир – где ты и я,
Где свет в окне, и тополь выше дома (…)

… Роса кропит полынь и зверобой,
Рассвет идет, травы не задевая,
И ты со мной – ликующий, живой,
И я с тобой – счастливая, живая.

Если вам почудился сарказм в моих словах, то вы ошибаетесь! Это хорошие стихи, достоверные миры – в собственной цветовой и эмоциональной гамме. Обе подборки оцениваю равно высоко. Почти равно! Но точнее не скажу – стрелка колеблется: самое время сделать перерыв.

Продолжение следует.

Автор: Субъектив
10.05.2013 03:21